

Г. И. ЛАВРЕНТЬЕВ (Глазов)

ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В ВОЛЖСКОМ ГОВОРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

В волжском говоре, как и в марийском литературном языке, различаются причастия активные, пассивные, отрицательные и причастия будущего времени. Причастия будущего времени могут выражать признак как активно действующего лица или предмета, так и пассивного лица или предмета. Они образуются от основы повелительного наклонения всех без исключения глаголов при помощи суффиксов *-šaš*, *-žaš*. Употребление той или иной разновидности суффикса регулируется законом прогрессивной ассимиляции согласных по участию голоса: 1) если основа повелительного наклонения оканчивается на сонорные согласные *m*, *n*, *ŋ*, *l*, *ʎ*, *r*, *j* или гласные, употребляется *-žaš*, 2) если же основа повелительного наклонения оканчивается на другие согласные, то суффикс имеет вариант *-šaš*: *nalža·š jəŋ* 'человек, который будет брать (возьмет)', *nalža·š kol* 'рыба, которую должны (нужно) покупать (купить) в будущем'; *lekša·š u·rža* 'рожь, которая взойдет или должна взойти', *čodra·γäč lekša·š ko·rno* 'дорога, по которой должны (нужно) выходить из лесу'.

Однако не на всей территории распространения волжского говора в причастиях будущего времени наряду с *-šaš* фигурирует *-žaš*. Так, в Больших Паратах, Сотнуре, Петъяле и прилегающих к ним деревнях Волжского района и в Сидельниковском сельсовете Звениговского района встречается лишь *-šaš*.

Рассматриваемые причастия, наряду с будущим временем, могут выражать различные модальные значения, поэтому образование на *-šaš* (*-žaš*) можно было бы назвать причастием долженствования и необходимости, например, *kajža·š lu·m* 'снег, который должен растаять', *üdəža·š u·rža* 'рожь, которую необходимо высеять'. Этим термином, впрочем, пользуются при характеристике подобных явлений в пермских языках.¹

В зависимости от речевой ситуации причастие на *-šaš* может обозначать и вневременное действие, как бы постоянный признак предмета. В этом случае оно близко по значению к обычным прилагательным, например, *lutša·š knaya* 'книга для чтения'.

Причастия на *-šaš*, кроме специфической для них категории времени, обладают и некоторыми другими грамматическими категориями. Так,

¹ Б. А. Серебrenников, Историческая грамматика пермских языков, Москва 1963, стр. 298.

в случаях заместительного или обособленного употребления они изменяются по числам, падежам и формам категории притяжательности, а также сочетаются с послелогоми и требуют препозитивных слов, связанных с ними посредством управления и примыкания. Например: *stemba-lne šu-ko se-rāš u-lo, a-δresām božāža-ššamāčšām ö-rδāškö poye-n o-pīāto* 'на столе много писем, те, на которые нужно писать адреса, сложены в сторону', *ta-če āštāža-šām erla-lan ko-δāmāla o-γāl* 'то, что нужно делать сегодня, не следует оставлять на завтра', *ā-mūām kāškāža-š ko-δām pū-γām ok tūnde-p* 'тогда, когда запрягают лошадь, дуги не гнут'.

Причастия на *-šaš* в случаях прямого употребления, т. е. когда они атрибутивно и предикативно определяют признак предмета, характеризуются отсутствием форм словоизменения.

В этой связи можно отметить, что не все причастия будущего времени могут функционировать в роли именной части составного сказуемого: с активным залоговым значением они часто выступают в этой роли (*marije-m ā-mūām kāškāža-š* 'мой муж (тот, который) должен запрячь лошадь'), с пассивным же залоговым значением они не бывают именной частью сказуемого.

Причастие будущего времени, выступающее в качестве независимого организующего центра в односоставном предложении, в волжском говоре по своему значению в определенной степени может осмысливаться как инфинитив с дополнительным ярко выраженным модальным значением необходимости, категорического долженствования, желания, предположения, например: *lelāra-kām nalža-š ā-le* 'нужно брать что-то потяжелее', *o-nčāč u-rža-m türetša-š, para- šijža-š* 'сначала рожь надо сжать, потом надо обмолотить', *paša-leč o-nčāč süa-nām āštāža-š* 'надо бы делать свадьбу до работы'.

Явление того же типа засвидетельствовано в татарском и чувашском языках. Некоторые исследователи пытаются разграничить марийские формы на *-šaš*, *-žaš*, а также соответствующие татарские и чувашские формы на причастия и инфинитив², однако оснований для этого мы не видим.

Дело в том, что разграничение причастия и инфинитива с одинаковыми формальными показателями представляет собой не что иное, как рассмотрение в одной плоскости узуального (общего) и окказионального (узкоконтекстуального). Известно, что предикативное употребление других форм причастий (образований на *-še*, *-me*, *-dāme*) не является основанием для признания их как особой морфологической единицы. Так и спорадическое употребление образований на *-šaš* в сказуемости значения не может служить аргументом для выделения их в особую форму инфинитива. Во-вторых, причастие на *-šaš*, в известной степени осмысливаемое как инфинитив, все же отличается от основной формы инфинитива на *-aš*, которая обычно не обозначает времени совершения действия; образование на *-šaš* в инфинитивном употреблении сохраняет отчетливо выраженное временное значение, характерное для причастия. В-третьих, в речевом употреблении, преимущественно в односоставном предложении, основной инфинитив (т. е. на *-aš*), как известно, изредка тоже может показывать отнесенность действия к будущему времени в зависимости от контекста, структуры предложения, а также от обстоя-

² В. М. Васильев, Материалы по грамматике марийского языка, Йошкар-Ола 1958, стр. 37—40; Н. Б. Бурганова, Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР. — Материалы по татарской диалектологии, Казань 1962, стр. 43; В. Г. Егоров, Современный чувашский язык в сравнительно-историческом освещении. Автореферат докторской диссертации, Чебоксары 1951, стр. 30.

тельственных слов. Если принять особые случаи употребления образований на *-šaš* за инфинитив со значением будущего времени или инфинитив долженствования, то инфинитив на *-aš*, исходя из контекстуального употребления, следовало бы тоже считать особой формой будущего времени. Тогда как последнее на практике не допустимо.

Исходя из приведенных соображений, и рассматриваемое образование на *-šaš* следует считать не инфинитивом, а причастием будущего времени, которое определяется своим положением в системе однородных форм, т. е. причастие будущего времени противопоставляется причастиям настоящего и прошедшего времени.

Предикативно употребленное причастие будущего времени в двусоставном предложении во всех лицах, кроме третьего, обязательно сочетается с вспомогательным глаголом-связкой *u₁la-š* 'быть', изменяемым по лицам, числам, временам. Например: *māj sobra-nijāš baške kajža-š u₁la-m* 'я скоро должен идти на собрание (букв.: я (есмь тот, который) скоро должен идти на собрание)', *nu₁-no lutša-š əle-βe* 'они должны были читать (букв.: они были (те, которые) должны читать)'

Как свидетельствует дословный перевод, вспомогательные глаголы настоящего, прошедшего и будущего времени в сочетаниях с причастиями будущего времени не меняют основного значения причастия. Они только устанавливают, представляется ли этот признак существующим в настоящем или будущем или существовавшим в прошедшем.

Предикативно употребленное причастие будущего времени в односоставном предложении не может сочетаться с названным выше вспомогательным глаголом. Однако оно может употребляться в сочетании с окаменелым вспомогательным глаголом *ə-le*, внешне совпадающим с формой 3-го лица первого прошедшего времени глагола *u₁la-š* и характеризующимся значением 'бы'.

Причастие будущего времени характеризуется еще и тем, что оно может присоединять к себе именной суффикс *-lək*. Однако этот форматив не придает слову дополнительного значения и в причастиях он является лишь факультативным. Следует также отметить, что не во всех случаях употребления в речи причастия будущего времени присоединяют к себе суффикс *-lək*.

Причастия будущего времени во всех случаях употребления в речи не имеют отрицательных форм. Однако это не значит, что в предложениях с причастием будущего времени не может быть выражено негативное содержание. Отрицательный смысл высказывания достигается употреблением отрицательных глаголов-связок (*nu₁-no tolža-š u₁lu₁t* 'они должны прийти', ср. *nu₁-no tolža-š o-k₁u₁lep* 'они не должны прийти') или примененных отрицаний (*lutša-š jəŋ* 'человек, который будет читать', ср. *lutša-š jəŋ o-γəl* букв.: не человек, который будет читать). Отрицательное значение причастия будущего времени в безличном предложении выражается отрицанием *o-γəl* 'не': *süa-nəm uždə- kajža-š o-γəl* 'не повидавши свадьбы, не нужно идти'.

Необходимо остановиться на вопросе о происхождении причастия будущего времени. Некоторые исследователи склонны считать марийский суффикс *-šaš* чувашским по происхождению.³ По мнению И. С. Галкина⁴, причастия будущего времени образовались в результате

³ М. Р. Федотов, Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, Чебоксары 1965, стр. 41—42.

⁴ И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка. Йошкар-Ола 1964, стр. 163—167.

соединения активного причастия на *-še* и суффикса прилагательного *-aš*. Действительно, два формата весьма близких морфологических единиц вполне могли сложиться. Возможность эту могут подкрепить и засвидетельствованные в волжском говоре специфические формы причастий с активным и пассивным залоговыми значениями: *küldäma-š tobarbo-ndo küle-š lije-š* 'ненужное (негодное) топориче пригодится' (< *kü-lđätmö* 'ненужное' + адъективный суффикс *-aš*, ср. *käda-l* 'середина' — *kädala-š* 'средний'), *kol küčäma-n be-räšte* 'в том месте, где ловят рыбу' (< *ku-čäto* + суффикс прилагательного *-an*, ср. *jön* 'удобство' — *jöna-n* 'удобный'), а также другие формы: *ka-jžan* 'пусть идет' (< *ka-jže* 'пусть идет' + *an*-частица), *ka-yär pušęga-t ikta-žlan da küle-š* 'и кривое дерево кому-нибудь понадобится' (< *puše-ņge* 'дерево' + *at* — частица со значением 'и').

Однако при исследовании этого вопроса следует принять во внимание, что фонетически близкие и семантически и функционально тождественные с причастием будущего времени марийского языка образования бытуют, как уже было упомянуто выше, в татарском, чувашском и каракалпакском языках.⁵ Поэтому при объяснении происхождения этой формы нельзя не учитывать влияние тюркских языков Волги. Есть основание полагать, что оба фактора — внутренний и внешний — действовали в древнемарийском языке и подкрепляли друг друга, т. е. процесс сращения двух марийских суффиксов (причастного *-še* и адъективного *-aš*), каждый из которых восходит к глубокой древности⁶, был ускорен воздействием тюркских языков, в которых еще в древности была особая форма причастия будущего времени.

⁵ Н. Б. Бурганова, указ. раб., стр. 52—53, 43; Н. И. Ашмарин, Материалы для изучения чувашского языка, Казань 1898, стр. 310; Материалы по грамматике современного чувашского языка, Чебоксары 1957, стр. 223—226; Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология, ч. I, Москва 1952, стр. 410, 420, 457—458. Формы на *-асы*, *-әсе* в тюркских языках некоторые склонны рассматривать как явление общебулгарского происхождения. См. Л. Т. Махмутова, О татарских говорах северо-западных районов Башкирской АССР. — Материалы по татарской диалектологии, Казань 1962, стр. 67.

⁶ См. соответствия в родственных языках: И. С. Галкин, указ. раб., стр. 163, 166.

G. I. LAVRENTJEV (Glazov)

THE FUTURE PARTICIPLE IN THE VOLGA DIALECT OF THE MARI LANGUAGE

The Future Participle is formed from the stem of the Imperative Mood by means of the suffix *-šaš* (*-žāš*) depending on phonetical conditions, for example: *lekša-š u rža* 'rye which will sprout or must sprout', *nalža-š kol* 'fish which one must buy in the future'.

The suffix *-šaš* arose as a result of the fusion or merging of two Mari suffixes, participial *-še* and adjectival *-aš*, both of which go back to the remote past, probably to the Proto Fenno-Ugric linguistic community. The process of the merging of the two formative elements of very close morphological units was accelerated by the influence of the Turkic languages. These languages had a special form of the future participle which was phonetically identical and semantically equal to the Future Participle of the Mari language.

One of the reasons of this merging lies in the fact that the Mari language had some communication shortcomings. Before the formation of the Future Participle this language lacked a special form to denote the attribute of a substance referring to the future. Earlier the process of the merging of these suffixes could be seen only in participles having the meaning of the active voice, and later a newly formed suffix *-šaš* was transferred by analogy to the participles having the meaning of the passive voice.